

Виктор Викторович Билибин

Из молодых, но ранний

Виктор Викторович Билибин

Из молодых, но ранний

«Теплый весенний вечер угасал... Под косыми лучами заходящего солнца березовая аллея рисовалась и темно-зелеными, и огненно-золотистыми пятнами кружевной листвы на ярко-голубом фоне неба... Доносился аромат распустившейся сирени...»

Виктор Викторович Билибин

Из молодых, но ранний

(Очерк)

Теплый весенний вечер угасал... Под косыми лучами заходящего солнца березовая аллея рисовалась и темно-зелеными, и огненно-золотистыми пятнами кружевной листвы на ярко-голубом фоне неба... Доносился аромат распустившейся сирени...

На скамейке сидела молоденькая девушка-брюнетка с короткими вьющимися волосами и рассеянно глядела в книгу... Ее мысли носились далеко...

Песок аллеи закрипел. Показался молодой человек с пробивающимися усиками, одетый франтом, в модных синих брюках, в ринсе-пез, в широкой соломенной шляпе...

Девушка вскочила со скамейки и вся зарделась.

– Сережа... Сергей Павлович!.. Как вы долго не были... Я думала – больны... – радостно говорила она, сжимая ему руку и глядя в глаза.

– Экзамены, Маня, вы знаете... Ну, теперь, слава богу, с правоведением развязался... покончил... Ваша тетушка дома?..

– У всеобщей...

– А что же вы, Маня, не пошли?

– Не хотелось... Сядемте здесь...

Они сели. Он сказал «уф» и, сивавши шляпу, обмахивался надушенным носовым платком. Они молчали.

– Что это вы читали, Маня? – спросил он, указывая на книгу.

– Лермонтова... стихи...

– Охота вам всякие пустяки читать, – заметил он. Они опять молчали.

– Сережа... – начала она.

Они росли почти вместе. Но теперь ей неловко было называть его по-прежнему «Сережа»: теперь он – «большой».

– Сергей Павлович!.. Вы редко у нас бывали в последнее время...

– Занятия все...

И он опять сказал «уф», точно страшно устал. Между нами – «занятия» большею частью происходили у Доротта или Дюссо[1].

– Что же вы, Маня, соскучились обо мне? – шутливо прибавил он.

– Да... – сказала она и опять покраснела. Он улыбнулся.

Она была так рада, что вот он здесь, говорит с ней. Ей было хорошо... Он глядел на нее. Весенний воздух будил нежные чувства. Ему

показалось таким милым это знакомое скромное личико, всегда ласковое... эти чуть приподнятые темные брови, придававшие девушке вид наивного недоумения... и ямочки на розовом бархате полных, почти детских щек... и эти перламутрово-белые зубки... полуоткрытый румяный ротик...

Он знал, что им надо скоро расстаться. Ему стало как будто чего-то жаль...

– У вас сирень, Маня... Рано она нынче распустилась...

– Да... Хотите?.. Я у соседей сорвала...

– Напрасно, Маня, – строго заметил он. – Конечно, это не кража... но все-таки это деяние, несомненно, подходит под понятие самовольного пользования чужим недвижимым имуществом, наказуемого по статье сто сорок пятой устава о наказаниях.

Маня взглянула на него с удивлением и бросила ветку.

– Как вы странно стали говорить, Сергей Павлович, – заметила она. – Точно полицейский...

– Помилуйте!.. Что же общего между юристом и полицейским?..

Он хотел обидеться, но раздумал: ведь они скоро расстанутся. Он взял ее за руку и тихо сказал:

– Маня... А ведь я уезжаю...

– Куда? – с испугом спросила она, даже сжимая его руку от волнения.

– Далеко... в провинцию... Ваша тетушка выхлопотала мне место товарища прокурора...

Она грустно молчала.

– Надо же начинать карьеру, – продолжал он. – Ну, и жалованье около двух с половиною тысяч...

– Кто же этот прокурор – ваш товарищ? Как вы с ним познакомились?

– Это не то совсем, Маня... Он мне вовсе не товарищ... Должность такая в суде... Обвинять...

– Всех обвинять? – с недоумением спросила Маня.

– Ну да; то есть кто предан суду... Закон, правда, предоставляет прокурору отказаться на суде от обвинения... Так и делают иногда либеральные прокуроришки, из университетских... Я не буду... С какой стати?.. Уж раз су-

дебная палата, высшая инстанция, предала суду – значит, есть же основания...

Маня не совсем понимала, что он говорит про инстанцию; но чувствовала, будто он говорит что-то не совсем хорошее.

– Как же это? – горячо заговорила она. – Всех!.. А если он не виноват?.. И вы сами знаете это... И потом вообще... ведь это страшно – делать всегда так, чтобы человека в тюрьму... или на каторгу... на целую жизнь... Это ужасно!..

– Но если он совершил уголовное правонарушение, Маня?

– Что же... Он – «несчастный»... Знаете, как народ говорит... – с жаром убеждала Маня. – Убийство там или другое... разве он виноват?.. Он больной... Разве может здоровый человек?..

Вновь испеченный товарищ прокурора вскочил с места...

– Я много думала о преступниках, – продолжала свое Маня. – Или вот украл... Ну, когда ему есть было нечего?.. Потом, его не воспитывали... И родители у него бедные, необразованные, грубые... Он не сам виноват... Он...

– Марья Васильевна! – строго перебил ее Сергей Павлович. – Довольно-с!.. Я вижу... вижу... понимаю... Я достаточно проницателен... Не развивайте своих теорий... Я, как представитель закона, не имею права дольше слушать вас... Вы отрицаете весь общественный строй... Страшусь назвать вас настоящим именем... Так вот этот студент с уроками математики!.. Хороша математика... Мне жаль вашей тетушки... и мы росли вместе... А то, по-настоящему... я был бы обязан донести о вас... Прощайте... одумайтесь, пока не поздно... Поклон вашей тетушке...

И он важно удалился, скрипя по песку аллеи. Она грустно поникла головой. В конце аллеи мелькнули синие брюки.

Ей отчего-то живо, живо вспомнилось, как он и она, еще так будто бы недавно, играли в пятнашки...

Солнце закатилось... Потянулся розовато-серый полумрак... Голубое небо бледнело... Верхушки древесной листвы вспыхнули огнисто-пурпурным румянцем...

Маня плакала...

Примечания

1

Известные рестораны Петербурга.

[^^^]